

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда,
проект № 20-18-00394

CODEX MANUSCRIPTUS

Выпуск 4

ЭСТЕТИКА КОММУНИЗМА

CODEX MANUSCRIPTUS

Issue 4

AESTHETICS OF COMMUNISM

Главный редактор / Editor-in-Chief
Д.С. Московская / Daria Moskovskaya

Ответственные редакторы / Executive Editors
Д.С. Московская, Е.А. Добренко / Daria Moskovskaya, Evgeny Dobrenko

Редакторы-составители / Compiling Editors
Р.Е. Клементьев, О.В. Романова / R.E. Klementyev, O.V. Romanova

Рецензенты:

А.Л. , М. Никё

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Москва 2022 / Moscow 2022

Участники Пленума Всероссийской ассоциации пролетарских писателей. 1927 г.

Содержание

Евгений Добренко. Гегемония братства: рождение советской многонациональной литературы, 1922-1932	4
Анастасия Гачева. Литературная группа «Кузница»: история, эстетическая платформа, художественная практика	6
Анна Хрусталева. История Саратовской ассоциации пролетарских писателей: от периода формирования к конфликту	13
Анастасия Сысоева. Литературная борьба и судьбы ее участников: к истории формирования ЛОКАФ и его Ленинградско-Балтийского отделения.	15
Ольга Быстрова «...у меня есть разногласия организационного порядка...»: Об одном сюжете из истории РАПП	16
Carol Any. Gruppovshchina and Communitas in the Soviet Writers' Union, 1932-1949	19
Craig Brandist. Indian Literature and the Politics of the Vernacular: Early Soviet Indology, Semantic Palaeontology and the Ideology Critique of Brahmanism.	20
Дарья Московская. От Союза советских республик к Союзу советских писателей	22

Архивные публикации

Неизданный вапповский справочник «10 лет пролетарской литературы» (1927–1928) Составление, публикация, вступительная статья: Р.Е. Клементьев. Подготовка текста: Р.Е. Клементьев, Д.М. Никитина, О.В. Романова	25
--	----

Гегемония братства: рождение советской многонациональной литературы, 1922-1932

Евгений Добренко

Статья посвящена истории рождения проекта советской многонациональной литературы, который, хотя и традиционно связывается в отечественной и зарубежной традициях с 1934 годом и Первым съездом писателей, в действительности появился ещё в «лихие двадцатые». Главной движущей силой многонационального литературного проекта как одного из ведущих компонентов создания единой советской нации была партийная номенклатура. В статье рассматриваются особенности взаимодействия лидеров литературных групп в 1920-е гг. в республиках, где литературные дискуссии были формой внутрифракционной борьбы. Кроме того, как в Москве, так и в республиках руководители литературных групп являлись не столько литераторами, сколько партийными работниками, действовавшими в литературе. На этой партийной основе формировалось «братство литератур», организующим центром которого в СССР становится ВАПП. Воспитанные на иерархическом принципе демократического централизма, эти партийные функционеры из ВАППа/РАППа враждебно относились к национализму, стремились к имперской (антинационалистской, а значит, интернационалистской) модели. С созданием ВОАПП и последующим увеличением количества «братских литератур», стремительно сокращалась их институциональная сила. На архивных материалах в данной публикации реконструируются механизмы работы в отношении национальных литератур – некомпетентное, сугубо бюрократическое руководство РАПП, невежество в отношении национальных литератур и др. Организационные структуры становились продуктом имперской инженерии, рапповский дискурс о литературе с его псевдо-классовой партийной риторикой и репрессивной критикой успешно распространялся на все культурное пространство многонациональной страны. Позднее созданные рапповцами

институциональные практики и опыт «консолидации» национальных литератур перешли в Союз советских писателей.

Литературная группа «Кузница»: история, эстетическая платформа, художественная практика

Анастасия Гачева

5 февраля 1920 г. в газете «Правда» было опубликовано письмо семи членов Московского пролеткульта, заявлявших о своем выходе из организации, условия работы в которой «тормозят выявление творческих возможностей пролетарских писателей» и создании при Литературном отделе Наркомпроса Секции пролетарских писателей. Под письмом стояли подписи семи поэтов: М.П. Герасимова, к тому времени уже известного поэта, В. Александровского Г Санникова, С. Обрадовича, В. Казина, Н. Дегтярева, и С. Родова. 11 февраля 1920 г. организуется заседание вновь образованной секции, принимается решение об издании журнала «Кузница». В мае 1920 г. выходит первый номер журнала, ставшего теоретическим и художественный органом одноименной группы, проходит Всероссийское совещание пролетарских писателей и начинается активная работа по организации I Всероссийского съезда пролетарских писателей.

Реальная поэтическая практика членов «Кузницы», выходила за рамки институциональных установок, а декларированный «Кузницей» принцип «образного мышления» давал простор творческой свободе. Поэты «Кузницы» широко ориентировались на поэтику русского символизма, вводили в свои произведения элементы литературной игры, дружеского диалога, в их творчестве, несмотря на декларированную задачу построения новой «пролетарской культуры», широко звучали мотивы новокрестьянской поэзии, нарастало внимание к русской классике, к вечным темам и образам. «Кузнецы» защищали свое внимание к формальной стороне творчества, обозначив главные тезисы своей платформы, заявленной еще в декларации, открывавшей первый номер журнала «Кузница»: стремление к созданию новой культуры, отражающей грандиозную работу по созданию «новых высших форм жизни», культуры, не просто богатой по содержанию,

дерзновенной по мысли, масштабной в своем проектировании будущего, но при этом обладающей высочайшей художественной выразительностью, использующей всю палитру художественных средств. Сами вышедшие из рабочей и крестьянской среды, приобретшие знания путем самообразования, чтения и размышления над прочитанным, они, так сказать, «всеми печенками», чувствовали и передавали в своих стихах ту тягу к знанию и свету истины, тот живой ум и то стремление к развитию, которые свойственны многим жителям заводских окраин, вовлеченным революцией в круговорот истории и призванных ею к творческому деянию и свободному труду.

Резолюция Первого совещания пролетарских писателей соединяла ряд тезисов доклада А.А. Богданова с теми положениями, которые были высказаны «кузнецами». Пролетарская литература, говорилось в Резолюции, стремящаяся к кумуляции и творческому отражению «всего коллективного опыта трудовых масс», «должна быть художественна по форме и доступна по содержанию», но чтобы это содержание было выражено во всей полноте, необходимо овладеть «техникой литературного творчества». Здесь же звучал тезис о целостности творческого процесса, в котором неразделимы мысль и жизнь художника, теория и практика. Творческая платформа «Кузницы» стала синтезом основоположных идей Богданова — о пролетариате как организаторе бытия, творце новой коллективистической культуры и жизни, об искусстве как организации опыта и проектировании должных форм жизни — и шедших от Брюсова и Белого. А скрытию этой платформы были посвящены теоретические и литературно-критические статьи «кузнецов», публиковавшихся на страницах журнала «Кузница». Единство образа и ритма в поэзии, их диалектическое единство, обуславливает тайну творчества: «Ритм — рычаг произведения. Без соответствующего образа произведение мертво, образы не живые. Ритм — пульс жизни».

Усвоившие уроки Андрея Белого, кузнецы теперь стремятся донести их до тех пролетарских поэтов в столице и российской глубинке, которые с

первого номера журнала «Кузница» являются внимательными читателями нового печатного органа, ставшего после Первого съезда пролетарских писателей, который состоялся в Москве в октябре 1920 г., официальным органом созданной на съезде Всероссийской ассоциации пролетарских писателей, которую и возглавили «кузнецы». Столь же внимательны «кузнецы» и к содержанию авторских минисборников, которые с 1921 г. начинают выходить под эгидой ВАПП. «Черная пена» и «Чучело» М.П. Герасимова, «Утро. Стихи» В.Д. Александровского, «Сдвиг» С.А. Обрадовича и др. Каждый из них содержит от трех до десяти стихотворений и поэм, но это цельное художественное высказывание или, точнее выражаясь, своего рода минипортрет каждого из «кузнецов». Когда же в ноябре 1921 г. создается кооперативное издательство «Кузница», стремление группы к презентации своего творческого лица через конкретные писательские индивидуальности, обретает системность. Издания, выходящие под эгидой «Кузницы», обретающие к 1923 г. вид достаточно объемных поэтических книг, демонстрируют «делом» эстетические установки «Кузницы»: мастерство, образность мышления, ритм, поиск «оригинальных поэтических форм», в которые пролетарские поэты должны «вковать» свои «мысли и чувства».

В июле 1921 г. в Москве открылся клуб ВАПП, который по умолчанию был клубом «Кузницы» и в сохранившихся протоколах и переписке обозначается именно так. В клубе, организованном в д. 33 по ул. Тверской, в бывшем помещении кондитерского магазина А.И. Абрикосова, еженедельно проходят литературные встречи, о которых неизменно сообщают и отчеты о которых дают две центральные газеты — «Известия» и «Правда», в которой в это время работает еще один «кузнец» — автор «Поэмы Славы» И.Г. Филипченко, присоединившийся к группе осенью 1920 г.

Во многом этому совершившемуся в лоне «Кузницы» этическому развороту от «игры мускулами», которой не чуждались пролетарские поэты в

1910-е годы, к идее творческого преобразования мира, способствовала сама история: голод и разруха времен Гражданской войны. Не раз возникал на страницах стихов и поэм «кузнецов» образ воскрешения паровоза, оживления молчащего станка, восстания из руин разрушенного завода. И лозунг электрификации они прочитывали в контексте темы жизнестроения.

Менялись акценты — и менялась художественная футурология. Уже не «машинный рай», не мощные индустриальные центры, не невиданные фабрики и заводы предносились их взору в будущем, а «города-сады, фабрики-рощи, заводы-леса». Характерная для пролеткультовского периода М. Герасимова, В. Кириллова, В. Александровского антитеза пахаря и кузнеца сменяется в начале 1920-х гг. образом человека-сеятеля, возделывающего почву мира.

В начальный период своего существования «Кузница» была по преимуществу поэтической группой, своего рода «цехом поэтов». Спустя месяц, 4 марта 1920 г., в члены редколлегии Подотдела был принят первый прозаик — Михаил Волков, Николай Ляшко, А.С.Новиков-Прибой, П. Низовой, П. Яровой. Прозаики «Кузницы» были объединены с поэтами целым рядом ведущих тем, и прежде всего темой труда. Рассказ А. Платонова «Маркун», помещенный в седьмом номере журнала «Кузница», дает художественно-философский извод тем, ставших «визитной карточкой» «Кузницы». Помимо темы коллектива и темы труда, это «тема машинизма», затронувшая всех представителей группы, в том числе и прозаиков «Кузницы». Поэтически воплощавшие пульс завода, станков и вагранок, поэты «Кузницы» предварили рождение «Цемент» Ф.Гладкова» и «Доменной печи» Н. Ляшко, программных вещей, воплотивших индустриальную тему 1920-х гг.

Тема «земля и город», «земля и железо», во второй половине 1920-х годов запечатлевшая себя в названии издательства «Земля и Фабрика», к

организации которого «кузнецы» имели самое непосредственное отношение, решалась прозаиками «Кузницы».

После избрания 8 июня 1923 г. нового правления, когда председателем «Кузницы» становится И. Филипченко, поэтический гений которого практически уже заглох, а заместителем председателя — прозаик Н.Н. Ляшко, творческая политика группы окончательно склоняется на чашу весов художественной прозы.

С 1924 г. начинается новый этап работы группы. «Кузница» начинает издавать «Рабочий журнал», «литературно-художественный, общественный и научно-популярный двухмесячник». В редколлегию журнала вошли два прозаика (Ф. Гладков, Н. Ляшко), два поэта (С. Обрадович, Г. Санников) и один критик — Г. Якубовский, который стал и ответственным редактором нового органа. Свою задачу новый журнал видел в том, чтобы «собрать все ценные пролетарские литературные силы, имеющиеся в рабочем классе, и художественными произведениями, статьями, обзорами отобразить, проанализировать и синтезировать культуру и быт рабочего класса», «связать себя тесно с передовыми слоями пролетариата, рабочей молодежью и попутно, с авангардом крестьянства, которое является проводником рабочих идеалов в строй и жизнь деревни».

С самых первых шагов своего существования «Кузница» декларировала и демонстрировала установку на институциональность пролетарской литературы. Об этом свидетельствует и переход группы под крыло Наркомпроса, где в при ЛИТО была организована секция пролетарских писателей, тут же переведенная на положение подотдела, и созданные «Кузницей» Всероссийское совещание, а затем Первый съезд пролетарских писателей, и то, что именно «Кузница» сыграла ключевую роль в создании ВАПП и заняла доминирующее положение в ее руководстве. Примечательно, что в 1920–1921 гг. все заседания группы оформлялись (согласно протоколам) как совместные заседания ЛИТО Наркомпроса с редколлегией журнала

«Кузница», а после создания в июне 1921 г. ВАПП заседания правления ВАПП фактически были заседаниями «Кузницы», поскольку большинство в Правлении ВАПП и его так называемой «деловой пятерке» составляли «кузнецы». Стремление к доминированию в ВАПП было одной из причин кризиса в «Кузнице» 1922–1923 гг.

С.А. Родов инициирует письмо «К разложению “Кузницы”», которое печатается 10 декабря 1922 г. в «Рабочей газете». Здесь прозвучали обвинения, которые затем будут варьироваться на протяжении нескольких лет: «Кузница» страдает «кружковщиной», а ее деятельность противоречит актуальным задачам идеологической борьбы пролетариата. А уже на следующий день на заседании правления группы «Кузница» рассматривалось заявление С.А. Родова о выходе из членов группы. А тем временем группа «Октябрь», в которую вошел С.А. Родов, созывает совещание пролетарских писателей, не вошедших в существующие группировки.

Весь 1923 год прошел под знаком противостояния «Кузницы» и «Октября». Борьба за организационное лидерство шла на протяжении всего года. С.А. Родов, ставший идеологом «Октября» и ведущим критиком журнала «На посту», организует систематическую критику «Кузницы» на страницах печати. «Кузнице» напостовцы последовательно противопоставляли поэтов группы «Октябрь» — А. Жарова и А. Безыменского. У «кузнецов» — «абстрактная, “планетарная” лирика и дидактика», у художников «Октября» — «конкретная живая поэзия». Помимо создания МАПП, которая повела систематическую борьбу с ВАПП и «Кузницей», лидеры «Октября» планомерно дискредитировали «Кузницу» в глазах рабочей аудитории, развенчивали ее авторитет, стремились отдалить от нее поэтический молодец. Но если художественный авторитет «Кузницы» был поддержан статьей Воронского, как и рецензиями на поэтические и прозаические сборники членов группы, то авторитет «Кузницы» как литературной институции, стремящейся собрать под эгидой ВАПП пролетарские

литературные силы и сказать свое *установочное* слово в пролетарской литературе, под упорным натиском «Октября», МАППа и «На посту» стремительно понижался.

История Саратовской ассоциации пролетарских писателей: от периода формирования к конфликту

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда,

проект № 20-18-00394

Анна Хрусталева

Своеобразие саратовского литературного процесса 1920-х гг. обусловлено недостаточностью местного бюджета для реализации культурных инициатив, низкой скоростью документооборота и замедленным темпом реализации культурных инициатив. Саратов выполнял в рассматриваемое время роль территории-буфера, куда попадали столичные деятели, подозреваемые в инакомыслии. В провинциальный город были командированы, таким образом, лица, замеченные в сочувствии политической оппозиции и формализму. Предполагалось, что неспешная региональная жизнь заставит критиков Г. Лелевича и В.П. Друзина эволюционировать в сторону большей политической лояльности по отношению к генеральной линии ВАПП, а архивиста, библиографа, первого руководителя Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанова отвлечет от интереса к меньшевизму. По традиции, установившейся в 1920-е гг., все сосланные (по некоторым документам они официально именовались командированными) принимали участие в консультировании САПП (позднее -САРРАПП). История САПП распадается на два этапа — период формирования (1924-1927), когда бывшие участники Пролеткульта окрепли и почувствовали силу собственного литературного голоса, и зрелый (после 1928), когда в организации начались социальные, личностные и литературные конфликты, связанные, в том числе, и с деятельностью командированных лиц.

Последний связан с историей академического направления саратовского АПП. 29 февраля 1928 г. было открыто Саратовское общество литературоведения, поддержку ему оказывал ректор Саратовского университета С.З. Каценбоген.

Академическое направление саратовского АПП к 1930 г. было представлено И. М. Машбиц-Веровым. Его приезд в Саратов ознаменовал собой установление нового порядка управления организацией. Железнодорожный рабочий Иванов и комсомольский лидер Курчавов, представлявшие исконное ядро САПП, не ассоциировали себя ни с академическим литературоведением, ни с наукой в каком-либо виде, что привело к противостоянию между академистами во главе с В.П. Друзиным и И.М. Машбиц-Веровым, с одной стороны, и коренным составом, с другой.

События центра воспроизводились в Саратове с отставанием в пределах от года до полутора лет, а затем синхронизировались. Конфликт академистов и коренного состава САПП был своего рода копией московской дискуссии о роли комсомола между ВОАПП и «Комсомольской правдой». Суть этого конфликта неизменна даже при перенесении в иные географические условия — это борьба за литературное влияние, включая и материальные факторы (редакционно-издательскую инфраструктуру, гонорары и тиражи), но, разумеется, не исчерпываемая ими.

Литературная борьба и судьбы ее участников: к истории формирования ЛОКАФ и его Ленинградско-Балтийского отделения

Анастасия Сысоева

В статье впервые рассматривается история формирования ЛОКАФ в связи эпизодом внутрирапповской борьбы 1930 г. Источниковой базой работы послужили периодические издания, архивные материалы и сборник стенограмм «Творческая дискуссия в РАППе». В мае 1930 г. оппозиция («блок», с августа — «Литфронт») выступила на III областной конференции ЛАПП. Противостояние захватило часть литературного Ленинграда, в том числе красноармейскую группу «Красная Звезда». Группа, изначально поддерживавшая руководство, примкнула к блоку из-за сближения с краснофлотцами. Декларация 16 ленинградских кружков, основу которой составил Н. Г. Свириин («Красная Звезда») и прочитал на конференции В.В. Вишневский (краснофлотская литературная группа), была объявлена программной для всей оппозиции. Союз военных групп стал шагом к формированию ЛОКАФ. Замысел объединения был одобрен на секретариате РАПП. Лидеры Ленинградско-Балтийского отделения ЛОКАФ настойчиво утверждали свои позиции во время разгрома «Литфронта». После завершения конфликта они приобрели опасный ярлык допустивших политическую ошибку.

«...у меня есть разногласия организационного порядка...»: Об одном сюжете из истории РАПП¹

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда,

проект № 20-18-00394

Ольга Быстрова

История литературной организации Российской ассоциации пролетарских писателей в период 1930-1932 гг. является, как ни странно, малоизученной. Исследование противостояния группы Л.Л. Авербаха и группы Ф.И. Панферова в, казалось бы, единой организации позволяет увидеть, как этот конфликт отразился на истории страны и литературного процесса первой половины XX в.

Анализ редакционный и авторских статей в центральной прессе, а также письма руководства РАПП в ЦК ВКР(б) позволяет выявить условные вехи в этой литературной битве. Так публикации 1930 – 1931 гг. (см.: Редакционная статья «Лицо наших противников» (На литературном посту. 1930. № 21-22. С. 1-18), Редакционная статья «О противниках выдуманных и действительных» (Правда. 1931. № 83. 25 марта. С. 4); письмо комфракции РАПП в ЦК ВКП(б), подписанное 16 членами организации, в том числе Ф.И. Панферовым, редактором журнала «Октябрь» в конце марта 1931 г.) дает возможность четко очертить тематические вехи в границах последовательно развивавшегося организационного изменения и, в конечном счете, ликвидации РАППа.

Особое внимание привлекают документы экстренно созванного 4 апреля 1931 г. заседания коммунистической фракции Секретариата РАПП. Причиной созыва стало заявление Ф.И. Панферова о снятии им своей подписи с письма комфракции Секретариата РАПП, отправленного буквально днями ранее в ЦК ВКП(б).

Зафиксированное в протоколе заседания фракции РАПП от 4 апреля 1931 г. нарушение партийной дисциплины члена Секретариата РАПП

¹ Статья написана при поддержке гранта РНФ № 20-18-00394 «Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920-1930 гг.».

Ф.И. Панферова засвидетельствовало начало схватки между Авербахом, как представителем «старого» состава секретариата РАПП, и Панферовым, как представителем «молодых», вошедших в его состав относительно недавно.

Более того, конфликт в литературной организации помогает уяснить её связи с партией. Воспользовавшись этим конфликт ЦК ВКП(б) провел чистку в редколлегии «Правды», уволив/убрав всех сотрудников, работавших вместе с Н.И. Бухариным, который был выведен из состава редколлегии в ноябре 1929 г. Это позволило ЦК поставить на место главного редактора газеты Л.З. Мехлиса.

В конфликт с каждой стороны привлекались серьезные оппоненты. Так, обмен статьями между М. Горьким и А.С. Серафимовичем продемонстрировал не только позиции мастеров художественного слова, но и их иерархическое положение. Несмотря на все свои заслуги в пролетарской литературе, Серафимович не имел по сравнению с Горьким международного авторитета, в чем нуждался И.В. Сталин.

Поддержав позиции Авербаха в РАППе в 1931 г., в следующем году руководство страны продемонстрировало реальное отношение к литературной организации, им возглавляемой: 23 апреля 1932 г. было опубликовано постановление Политбюро ЦК ВКП(б) ("О перестройке литературно-художественных организаций"). Одновременно с публикацией партийного решения на страницах центральной газеты была напечатана статья П. Юдина «Против извращения ленинского учения о культурной революции». Статья была посвящена Л. Авербаху, как последователю Л.Д. Троцкого, который так и не сумел понять суть ленинской культурной революции.

Схватка двух редакторов важнейших журналов, сыгравших свою роль в истории РАПП, – «На литературном посту» и «Октябрь» – завершилась в 1937 г.: Л.Л. Авербах был осужден в особом порядке и приговорен к высшей мере наказания; приговор приведен в исполнение 14 июня 1937 г. Сумевший его «переиграть» Ф.И. Панферов был вынужден оправдываться не только за свое знакомство с Авербахом, но и за своих покровителей, помогавших ему в

период с 1931 по 1935 гг. Однако судьба бывшего члена Секретариата РАПП Ф.И. Панферова сложилась более счастливо, по сравнению с его литературным врагом.

Grupповshchina and Communitas in the Soviet Writers' Union, 1932-1949

Carol Any

The article examines the effect of prohibiting private literary affinity groups after the founding of the Writers' Union in April 1932. It identifies two opposing models of group dynamics: one based on the concept of *communitas* (a term coined by anthropologist Victor Turner), and one based on intergroup power struggles, characterized by *grupповshchina*. The article describes several instances of *grupповshchina* as well as a small number of groups that managed to form after 1932 based on shared aesthetic interests. The elimination of self-selecting private groups resulted in two opposite phenomena—most Writers' Union members were apathetic, while a small number of hyperactive members practiced intense, divisive cliquish activity. The author argues that Stalin's choice to keep his favored literary cadres instead of replacing them, ensured the continuation of *grupповshchina*. As a result, the Writers' Union, although originally intended to eliminate *grupповshchina* (as practiced by RAPP's leaders), witnessed an increase in such behavior. Literary affinity groups based on *communitas* nearly ceased to exist, while *grupповshchina* remained entrenched among rival groups seeking political power.

Indian Literature and the Politics of the Vernacular: Early Soviet Indology, Semantic Palaeontology and the Ideology Critique of Brahmanism.

Craig Brandist

The article attempts to reconsider history and significance of early Soviet Indology. From the time of Stalin's 1950 denunciation of the ideas of Nikolai Marr (1865–1934), a deep nostalgia for pre-Revolutionary scholarship about India that has overshadowed consideration of other important factors arose and still persists. The rise to prominence of the new 'modern Indian philology' led by Aleksei Petrovich Barannikov (1890–1952) in the mid-1930s, which stressed the need to study areas that had only weakly been developed in pre-revolutionary oriental studies, has been examined predominantly as a one-sided and dogmatic negation of the achievements of the earlier scholarship. Barannikov pointed out the one-sided development of pre-Revolutionary Indology and championed the study of cultures in the vernacular, however, no critique of Sanskrit-focused studies appears in his published works. With the establishment of Barannikov's New-Indian office of the Institute of Oriental Studies in Leningrad in 1935–6, some scholars previously engaged in the (Sanskrit-focused) Indo-Tibetan office moved to the new section that opened new opportunities for career advancement and research, according to contemporary methodologies, as well as accommodation to new political realities (those who remained in the Indo-Tibetan office were either arrested or prevented from working on Sanskrit during the Great Purge of 1937). While the tragedy of the repression of talented scholars working in more traditional areas of Indology must be given due acknowledgment, correlation should not be equated with causation unless evidence of the latter is forthcoming. The rise of the 'new philology' in conditions of the Stalinist repression of 'old' philologists has tended to obscure the former's intellectual significance, and its importance for contemporary scholarship about the literatures and cultures of India and of the East more generally. The current article questions this framework and aims critically to consider the achievements and limitations of both forms of Indology in the light of current scholarship, with the

hope that in doing so the relevance of this work to current debates around the limitations of current postcolonial theory becomes clear.

От Союза советских республик к Союзу советских писателей

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда,

проект № 20-18-00394

Дарья Московская

Создание Советского государства – Союза советских республик – состоялось лишь на пятом году революции. Обстоятельства и причины, внутренние и внешние, политические, экономические, социальные, – область конкретно-исторического знания, которой мы касаться не будем. Образование писательского СССР произошло спустя двенадцать лет, и столь долгое становление – предмет историко-литературного знания в той его области, которая рассматривает художественное произведение как продукт социальных, культурных, экономических и исторических обстоятельств, с одной стороны, и как мощный инструмент воздействия на общественное сознание, с другой.

Противостояние культуры земли, консервативной и локальной, созданной представителями «уходящего быта», и поэзии деклассированных заводских «уличных человеческих морей», - одна из ключевых коллизий, образующая цепочки связей и разрывов, схождения и развилок, звавших к объединению в общенациональной культуре Страны советов и, вместе с тем, препятствовавших этому объединению. Первая и основная коллизия определялась тем, что общенациональному объединению препятствовал тот факт, что победивший в революцию класс остался «культурно придавленным».

Хроника литературной жизни 1921–1922 г. свидетельствует, что после окончания Гражданской войны в первые годы нэпа на литературной арене блистали писатели, начавшие публиковаться до революции, в большинстве своем выходцы из слоев интеллигенции попутчики. В 1922 году на литературную арену вышли молодые писатели-комсомольцы группы «Октябрь» и «Молодая гвардия», заявив о себе как об организаторах «пролетарской литературы». Таким образом, сразу после Гражданской войны,²²

в формативный период советской государственности, когда в условиях нэпа задачей партии и государства было сплочение сил для восстановления народного хозяйства и ликвидация безграмотности, литература стала ареной непрекращающегося классового раздора между двумя основными игроками на культурном фронте – группой писателей-попутчиков во главе с А.К. Воронским, малочисленной, но влиятельной благодаря своему профессионализму и благосклонности высших партийно-государственных структур, и ВАППом, обладавшим широкой кружковой, еще пролеткультами заложенной базой, но до сих пор не вызывавшим доверия у ЦК партии из-за стремления к организационно-идеологической самостоятельности. Этим обстоятельством объясняется вторая коллизия: организационная деятельность пролетарской ассоциации не обеспечила себе поддержку ЦК. Политическая самостоятельность, на которую претендовал разгромленный Лениным Пролеткульт и наследовавший ему в этой части ВАПП, скорее диктовавший свои условия Отделу печати ЦК и манипулировавший им, чем выполнявший его указания, усложняла положение ВАПП претендовавшего на роль объединителя, создателя новой советской социалистической литературы. Кроме того, возможности объединения препятствовала конкуренция на книжном (финансовом) рынке. Созданная по инициативе ВАППа Федерация объединений советских писателей не стала в условиях нэпа организационной формой для переваривания конфликтов и выработки приемов мирного сосуществования двух главных претендентов на культурную гегемонию – тех, кто по рождению и воспитанию обладал “образованием, общей культурой и художественными достижениями”, и теми, кого Э. Браун удачно назвал *пасынками культуры*. Все, что предлагал ВАПП в рамках ФОСП, вело к потере самобытности и самостоятельности попутнических писательских союзов. Таким образом, в годы нэпа вместо ожидаемого Наркомпросом и поддерживаемого Отделом печати ЦК союза разносословных писательских объединений в Федерации, где главным органом управления является Совет представителей равноправных членов, ВАПП навязал ФОСПу структуру

партийного типа, окрепшую в годы реконструкции (первой пятилетки), где идеологическое, а с ним и организационное руководство осуществляет комфракция ФОСП, возглавляемая представителями ВАППа. Окрепнув идеологически в годы реконструкции, ВАПП взялся за организацию всесоюзного объединения пролетарских региональных союзов. Вопрос о принципах федерирования сильных и независимых писательских союзов оказался трудноразрешимым на пленумах и совещаниях ВАПП 1925 и 1927 гг. В 1928 г. дискуссия о принципах объединения ВАППа с региональными пролетарскими ассоциациями выявила основное затруднение, состоявшее в том, что ожидаемая резолюция Съезда о содействии развитию пролетарской литературы народов СССР может войти в противоречие с руководящими директивами своего национального партийного органа, который захочет сохранить своеобразие путей развития своей региональной литературы. Второе состояло в том, что представители национальных республик не хотели видеть ВАПП в качестве верховного руководящего органа. Выходом стало выделение в отдельную организацию – Российской ассоциации пролетарских писателей, затем, Закавказской, Белорусской, Украинской с созданием единого органа, который представлял бы собою единую по классовому принципу организованную всесоюзную ассоциацию писателей. Так был создан ВоАПП.

Однако к 1930 г. РАПП уже собрал в себе многонациональную пролетарскую организацию и проводил собственную национальную политику. 23 апреля 1932 года было опубликовано постановление Политбюро ЦК ВКП(б) («О перестройке литературно-художественных организаций»), требовавшее роспуска созданных в 1920-е гг. литературных союзов, после обнародования которой стало ясно, что для организации всесоюзной советской литературы партии не нужен РАПП.

Таким образом, все попытки создания общенациональной литературы в формативный период советской государственности были обречены на провал.

Неизданный вапповский справочник «10 лет пролетарской литературы» (1927–1928)

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект
№ 20-18-00394

*Р.Е. Клементьев (оставление, публикация,
вступительная статья)*

*Р.Е. Клементьев, Д.М. Никитина, О.В. Романова
()*

Публикация неизданного справочника «Десять лет пролетарской литературы», подготовившегося в ВАППе в 1927–1928 гг., вводит в научный оборот важный документ эпохи, в котором, с одной стороны, представлен взгляд пролетарских литературных институций на собственное развитие — путь, пройденный за пореволюционное десятилетие, — с другой стороны, современным исследователям становится доступным внушительный массив систематизированных данных о пролетарских литературных организациях и об отдельных, большей частью забытых, пролетарских поэтах и писателях.

Справочник должен был стать отчетным изданием ассоциаций пролетарских писателей в праздновании десятилетия революции и советской литературы в конце 1927 г. Материалы книги собирались с весны 1927 г., в ее подготовке кроме ВАППа принимали участие Кабинет революционной литературы ГАХНа и издательство «Земля и фабрика». Однако выход издания задерживался и был перенесен на начало, а затем и на осень 1928 г. В августе 1928 г. печать завершенной книги разрешает Главлит, но издание так и не появляется. Причины отмены, по всей видимости, стоит искать в постоянно меняющейся политической ситуации и процессах, происходивших в пролетарских литературных институциях, требовавших все нового и нового редактирования собранных материалов, а также в резкой критике похожего издания, вышедшего в ГАХНе под названием «Писатели современной эпохи» (книгу раскритиковал в «Известиях» сам А.М. Горький; намеченный второй выпуск не состоялся). Не последнюю роль, думается, сыграла и заведомая неполнота предоставлявшихся справочником данных (далеко не все

областные и национальные ассоциации откликнулись на призыв о сборе информации для издания) и их быстрое устаревание.

Книга «Десять лет пролетарской литературы» состоит из разделов, посвященных пролетарской литературе РСФСР, а также советских республик: Азербайджана, Грузии, Белоруссии, Татарии, Украины, Чувашии и крымско-татарской пролетарской литературе. Каждый национальный раздел, в свою очередь, делится на «литературный справочник» и библиографический словарь. В справочных разделах собраны списки на 1927–1928 гг. контролирующей печать органах, выпускающихся периодических изданиях литературной направленности или имеющих литературные разделы (с указанием ответственных лиц), литературных музеев и т.д., и, что самое важное, достаточно подробные данные о пролетарских литературных организациях, с указанием их состава и, во многих случаях, краткой историей ассоциаций, их подразделений и иных пролетарских литературных объединений. Библиографический раздел состоит из кратких биографий и библиографий писателей (в основном членов официальных пролетарских организаций), написанных преимущественно на основе их автобиографий, присланных в редакцию справочника.

Книга публикуется по материалам, сохранившимся в фондах РГАЛИ: черновые составные машинописи с рукописными вставками из фонда журнала «На литературном посту» и полная беловая машинопись, предназначавшаяся для типографского набора, из фонда издательства «Земля и фабрика». Основной текст печатается по беловой машинописи, в постраничных сносках приводятся наиболее значимые вычеркнутые фрагменты и случаи редактуры (по черновым и беловой машинописям). Публикация предваряется вступительной статьей, в которой раскрывается история создания и несостоявшейся публикации книги.

<Предисловие И. Машбиц-Верова к книге «10 лет пролетарской литературы»>

Название нашей книги одновременно и шире и уже своего содержания. *Шире* — потому что, кроме сведений собственно о *пролетарской* литературе, читатель найдет здесь также много иных сведений: об издательствах, научно-исследовательских (литературных) учреждениях, писательских группировках непролетарского характера и т.д. и т.п. *Уже* своего названия книга тем, что, к сожалению, в ней представлены далеко не все народы СССР.

В настоящее издание «Справочника» вошли следующие народности и республики СССР (в алфавитном порядке):

- 1) Азербайджан
- 2) Белоруссия
- 3) Грузия
- 4) Еврейская литература СССР²
- 5) Крым
- 6) РСФСР
- 7) Татария
- 8) УССР
- 9) Чувашия

Как представлена литература каждой из перечисленных народностей и республик? Каким принципом руководствовалась редакция при выборе сведений? Что книга хотела дать и чего в ней не следует искать?

Книга задумана и выполнена, главным образом, силами ВАППа. Только *всесоюзная* ассоциация, объединяющая пролетарских писателей почти всех народностей СССР, — могла взять на себя задачу *выявить литературы всех народов нашей страны*. До сих пор в этом отношении было сделано чрезвычайно мало, почти ничего. Знаем ли мы литературу даже крупных и старых наших союзных культур: Украины, Грузии, Белоруссии. Несколько переводов из Блакитного, Тычины, Остапа Вишни, Любченко и Копыленко —

² Часть справочника, посвященная еврейской литературе, в доступных нам источниках отсутствует.

это все, кажется, что есть на русском языке из богатой современной украинской литературы. Гораздо хуже обстоит дело с Белоруссией и Грузией, которые в лучшем случае представлены одним-двумя переводами, подчас — достаточно случайными. Не приходится добавлять, что такие литературы, как татарская, крымская, чувашская и т.п. совершенно забыты, о них нередко невозможно на русском языке вообще найти какие-либо справки.

Первой задачей нашего справочника и было: дать общее представление о каждой из наших национальных литератур, познакомить с путями ее развития. Разумеется, в нашем справочнике мы делаем это почти исключительно в информационном порядке.

Этой задаче служит *«Отдел 1-й книги»*. Читатель найдет здесь общую *ориентирующую статью* о путях развития данной литературы и *справочные сведения* о, так сказать, *литературной культуре* рассматриваемой национальности. Под *«литературной культурой»* мы условно понимаем ту необходимую материально-идеологическую основу, на которой только и может вырасти, развиваться любая литература. Как, в самом деле, могли в условиях царского деспотизма развиваться национальные литературы, когда национальности были лишены возможности создавать свои издательства, научно-исследовательские учреждения, писательские объединения, когда они не могли свободно издавать свои журналы, газеты и т.п.

Давая, таким образом, в первом отделе справочные сведения о всех тех учреждениях, которые так или иначе связаны с работой в области художественной литературы, давая сведения, начиная с Главлита и отделов печати партии, — через газеты, издательства, литературно-профессиональные, литературно-исследовательские и писательские объединения — и вплоть до библиотек и литературных музеев, — мы хотим этим самым выявить те культурные основы, тот *фундамент*, без которого немислим вообще никакой рост, немислимо развитие любой литературы.

Выполнение первого, — общего, — отдела книги дает возможность перейти *ко второй и основной нашей задаче*: выявлению *пролетарской*

литературы народов СССР (также, разумеется, в справочно-информационном порядке).

Пролетарскую литературу любой народности — формирование, рост, творческие достижения и воспитательно-художественное значение этой литературы никак нельзя брать *статистически в абсолютных «цифрах»*, дескать, столько-то творчески выявившихся крупных пролетписательских имен и произведений, столько-то творчески активных пролетписательских групп. В условиях нашего переходного времени, когда в ряде национальных литератур налицо не только мелкобуржуазные, но сплошь да рядом и открыто реакционные писательские группы, когда только *вырастает* пролетарская литература, — в этих условиях подлинное значение творчества пролетписателей может быть выяснено при условии учета *динамики развития* и *относительного значения* этого творчества в *общей литературе данной национальности*.

Первый отдел нашей книги, поэтому, кроме общего знакомства с той или иной национальной литературой, имеет и *специальную задачу*: показать роль пролетписательских объединений и четко классовых (пролетарских) органов печати — в общей журналистике, в общей системе литературных группировок данной национальности. Сообразно с этим, писательские группы в каждой республике расположены, так сказать, слева направо — от пролетарских, — через «левую интеллигенцию» и «попутчиков», — к более правым группировкам. В этих же целях дана по мере возможности характеристика направления литературных журналов. Наконец, тому же заданию служат и вступительные статьи: в них лишь в первой половине говорится о *всей* литературе данной национальности, вторая же половина обычно всецело посвящена специально *пролетарской литературе*. Исключения сделаны только для двух республик: РСФСР и УССР. Тут мы нашли возможным дать специальные статьи по *пролетлитературе*, поскольку последняя в этих республиках достигла уже довольно высокой степени развития.

Основной задачей выявления именно *пролетарской литературы СССР* всецело посвящены 2-й и 3-й отделы нашей книги. В «Отделе II» дана история и составные списки главнейших пролетарских групп, ассоциаций, национальных секций при ассоциациях и т.п. «Отдел III» дает биографии и библиографию пролетарских писателей и марксистских критиков.

Разумеется, не все т.т., входящие в состав тех или иных групп вошли также в 3-й отдел. Помещая биографию тов., мы руководствовались его конкретными *творческими достижениями* и помещали, главным образом, тех, кто уже имеет свои книги. Исключения сделаны лишь для т.т. творчески значительных и обративших на себя внимание, по крайней мере, в масштабе данной национальности или области (см. Чувашия, Крым, Донбасс, Урал и др.). <...>

Нами учтено также и то обстоятельство, что многие писатели, являющиеся по творчеству своему несомненными *пролетписателями*, не входят ни в какие группы. Биографии таких писателей, «одинок», поскольку они творчески значительны, разумеется, также вошли в нашу книгу, списки же этих товарищей даны, как списки «пролетписателей вне групп».

Что касается библиографии, то нами даны: 1) *Книги писателей* (отдельные издания). 2) Важнейшие *статьи о писателях* (рецензии, как правило, не указываются). Библиография заканчивается 1927-м годом. У отдельных, наиболее популярных писателей, список книг ограничен «собранием сочинений» с указанием содержания томов.

Надо еще сказать о «территориальном принципе» в нашей книге. В тех республиках, где центр общей культурной и литературной жизни сосредоточен в *одном* каком-либо крупном городе, дело обстояло сравнительно просто: мы давали «литературную культуру» этого центрального города: Тифлиса, Баку, Минска и т.п. Гораздо сложнее дело состояло с УССР и РСФСР, где литературных и культурных крупных гнезд много. Выходом из этого положения было то, что и по УССР, и по РСФСР мы дали все наиболее значительные литературные города и округа (Харьков,

Киев, Ленинград, Урал, Донбасс и т.д.). К сожалению, кое-что из таких значительных литературных центров РСФСР (правда, по вине самих «мест») пропущено (Сибирь).

Не вошедшие в настоящую книгу национальности, не вошли, большей частью, по собственной вине: несмотря на неоднократные запросы и письма редакции, несмотря даже на обещания, материалы не были своевременно высланы. Редакция, однако, надеется собрать недостающие национальности, а также внести все необходимые дополнения к настоящему изданию, во 2-м выпуске труда.

В работе по сбору сведений и составлению статей для настоящей книги принимали участие следующие «учреждения»:

- 1) Учебно-методическая комиссия ВАПП.
- 2) Кабинет революционной литературы ГАХНа.
- 3) ВУСПП (Украина).
- 4) Грузинская, Азербайджанская, Чувашская и др. национальные ассоциации пролетарских писателей.

Персонально активно сотрудничали следующие т.т.:

- 1) От ГАХНа — Исидор Клейнер, Б. Козьмин, Б. Львов-Рогачевский, Н. Захаров-Менский, Р. Мандельштам, Н. Покровская, Д. Усов.
- 2) От ВАППа — Л. Авербах, А. Зонин, Б. Иллеш, А. Исбах, И. Машбиц-Веров, И. Нович, А. Ревякин, А. Селивановский, М. Юрин.
- 3) От ВУСПа: Б. Коваленко, Вл. Коряк.
- 4) От Нац.АПП: Буачидзе (Грузия), Рустам-Заде, А. Назим (Азербайджан), Д. Шелинберг (немсекция МАПП), М. Максуд и А. Шамов (Татария), Н. Кириллов (Чувашия).
- 5) Индивидуально были приглашены работать: Александрович, О. Городия, Н. Лимановский и Л. Поляк (Белоруссия), Г. Альшванг, Борис Гроссман, Я. Фрид, Г. Якубовский (РСФСР).

Редакционная коллегия справочника: Л. Авербах, А. Зонин, И. Машбиц-Веров, А. Селивановский (от ВАППа) и Б. Козьмин (зав. кабинетом революционной литературы ГАХНа).

Редакция благодарит всех тех товарищей, кто так или иначе оказывал ей содействие. Сбор справочного материала вообще, а особенно по национальным литературам и по творческой работе отдаленных областей и губерний, — дело новое и исключительно трудное. Здесь совершенно неизбежны неполнота, недоговоренность, ошибки. Редакция, однако, полагает, что только через такие неполные справочники лежит путь к «полным», исчерпывающим книгам, и что проделанная работа — работа полезная и нужная и в собственно-литературном и в общекультурном и политическом плане.

По поручению редколлегии

И. Машбиц-Веров.

Москва, 17-го февраля, 1928 года.